

Подобные неясности являются следствием не досадного недоразумения, а самого авторского стиля, в русской версии дополнительно размытого промахами переводчика. Вообще на различиях русского и английского переводов книги стоит остановиться отдельно. Если переводчик английской версии — о. Койн, директор Ватиканской обсерватории и член комиссии Папской академии по пересмотру дела Галилея, то за русский перевод взялся не известный широкой публике А. Брагин, плохо понимающий смысл переводимой им книги. Даже простая путаница в именах — известный итальянский историк Лодовико Джеймонат вдруг в некоторых местах у него оказывается Геймонатом — указывает, вероятнее всего, на то, что переводчик просто не знает, о ком идет речь.

Анекдотично выглядит замечание Брагина по поводу обращения на «ты» в переписке Галилея и Кеплера: «Обращение на “ты” было в то время принято между учеными-коллегами» (с. 63). Видимо, в подтверждение этой мысли Брагин переводит и письмо Галилея к Дини, заменяя итальянское «вы» на русское «ты», чтобы подчеркнуть, что оба были «учеными-коллегами». Дело, разумеется, совсем в другом: просто эти письма писались по-латыни, в которой нет обращения на «вы» к одному человеку. Кстати, Реймон Цукерманн, переведивший письмо Галилея Кеплеру на французский [9, р. 228], вполне корректно заменил латинское «ты» более естественным для французов «вы», — точно так же поступили и переводчики католических молитв после того, как, согласно решению II Ватиканского собора, было разрешено богослужение на национальных языках: «Ave, Maria!» превратилось в «Je vous salue, Marie!»

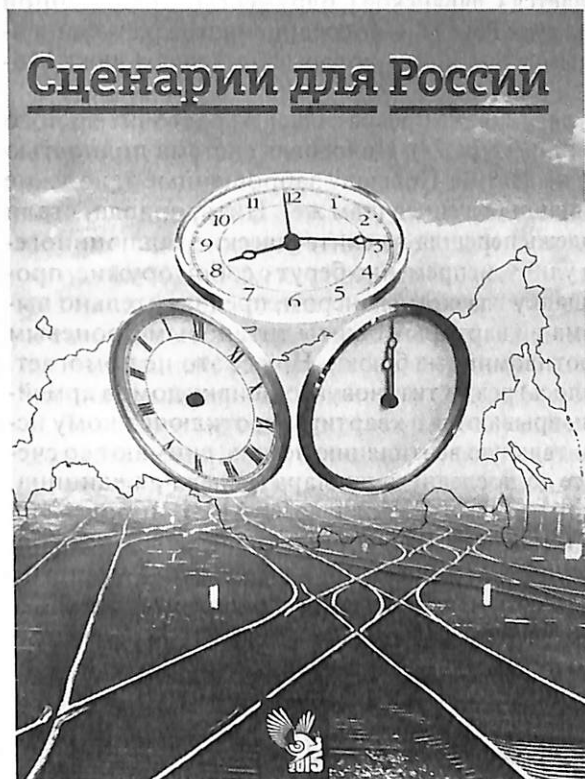
Впрочем, не будем продолжать список недомолвок, неточностей, а то и просто промахов автора и его переводчиков. Они не могут изменить в целом положительной оценки книги и радости читателя, получившего наконец русский перевод. Нет никакого сомнения, что ни одно будущее серьезное исследование жизни и творчества Галилея не обойдется без ссылок на это издание. И в заключение хочется отметить, что все три издания — и итальянское, и английское, и русское — выполнены, как и положено, в едином оформлении: с сохранением формата, рисунка на обложке, расположением сносок, т. е. сделано все, чтобы помочь читателю воспринять все три книги как различные материализации одной-единственной.

Литература

1. *Выгодский М. Я.* Галилей и инквизиция. М., 1935.
2. *Цейтлин З. А.* Политическая сторона инквизиционного процесса Галилея // *Мироведение*. 1935. № 1 (январь-февраль). С. 1–35.
3. *Galileo Galilei. Le opere di Galileo Galilei. Edizione nazionale in 20 voll. Ristampa nuova / A cura di Antonio Favaro.* Firenze, 1968.
4. *Документы II Ватиканского собора.* М.: Паолине, 1998.
5. *Galileo Galilei : 350 anni di storia (1633–1983). Studi e ricerche / A cura di Mons. Paul Poupard.* Roma : Edizioni Piemme di Pietro Mairetti, 1984.
6. *Segre M.* Light on the Galileo case? // *Isis*. 1997. Vol. 88. P. 484–504.
7. *Après Galilée.* Ed. By P. Poupard. P. : Desclée Brouwer, 1994.
8. *Pesce M.* Le redazioni originali della Lettera Copernicana di G. Galilei a B. Castelli // *Filologia e Critica*. 1992. Vol. XVII. P. 394–417.
9. *Zouckermann R.* Galilée penseur libre. Paris, 1968.

А. В. ЮРЕВИЧ

ВДОЛЬ ВРЕМЕНИ: ТРИ СЦЕНАРИЯ РАЗВИТИЯ РОССИИ*

Как известно, Россия — это страна, где даже прошлое непредсказуемо, поскольку его видение меняется с каждым новым разворотом социально-политического курса. Казалось бы, тем более непредсказуемо ее будущее. И тем не менее ...

Созданный в 1999 г. не только для предсказания, но и для приближения этого самого будущего так называемый «Клуб 2015» разработал по всем правилам *футурологии*, т. е. научного составления прогнозов, редко практикуемого у нас, но очень популярного за рубежом, три сценария развития России на ближайшие 15 лет, которые авторы назвали очень плохим, умеренно плохим и хорошим. Это было сделано так: собралось порядка 100 человек, в том числе такие известные личности, как С. Кириенко, И. Хакамада, И. Клямкин, Г. Сатаров, В. Познер, Д. Киселев и др., разбились на группы по 5–6 человек, которые разрабатывали первичные

сценарии, затем эти первичные сценарии посредством коллективного «мозгового штурма» были сведены в три основных, и сформулировать их было доверено известным литераторам — соответственно А. Кабакову, Д. Драгунскому и А. Гельману. Разработка сценариев — один из основных методов футурологии, а разбиение участников на малые группы по 5–6 человек, последующий общий «мозговой штурм» и т. п. — типовые методы коллективного решения задач. Ну а новация составителей трех сценариев состояла в том, что они были сформулированы не в традиционной для футурологических прогнозов наукообразной, а в *литературной* форме: пессимистичный — в виде короткого рассказа, нейтральный — в виде пьесы, а оптимистичный — как письмо к другу, что, как станет ясно ниже, имело глубокий смысл.

В первом — очень плохом — сценарии Россия грядущего предстает как страна, находящаяся в состоянии войны всех против всех. Каждый взял столько суверенитета, сколько смог унести. В результате от Российской Федерации не осталось и следа. На ее месте — конгломерат постоянно конфликтующих, а то и воюющих

* Сценарии для России. М.: Алмаз-пресс, 1999. — 112 с.

друг с другом микрогосударств. Их названия: Республика Восточная Сибирь, Курско-Орловская Социалистическая Освобожденная Военная Область, Независимый Ленинградский Округ, Вольный Коммунистический Пролетарский Брянск, Независимая Тьмутаракань, Великая Саха, Свободная Территория Тюмень, Объединенные Эмираты Казани и Уфы, Священная Алтайская Империя и т. п. Часть этого конгломерата, правда, называется Славянское Содружество Соединенной России (сокращенно — СССР), но по сути Россия — не соединенная, а разъединенная и испещрена межгосударственными границами, которые разделяют даже Москву и Можайск.

Цены на нефть упали почти до нуля, и страна превратилась из расточительного мота в безнадежного и сумрачного нищего (с. 24). Налоговая система полностью рухнула. Чиновники живут только на взятки. Повсюду заброшенные заводские корпуса, картонные и жестяные шалаши беженцев (там же). Пить, правда, стали меньше, но лишь потому, что молодежь перешла на синтетические галлюциногены. Москвичи, желающие выйти на улицу, непременно берут с собой оружие, просматривают свою лестничную площадку глазком-сканером, предварительно вызывают платную милицию, а их дома и квартиры обшиты титановым броневым листом. В моде бронепиджаки и противоминные брюки. Но все это не помогает. Лихие люди (а других почти не осталось) режут титановую обшивку домов армейскими противотанковыми лазерами, врываются в квартиры и, отключая кому искусственную почку, кому — принудительную вентиляцию легких, снимают со счетов несчастных в Интернетбанке все до последнего руллара (денежная единица, образовавшаяся в результате жесткой привязки РУбля к долЛЛАРУ). Впрочем, на фоне всеобщего хаоса присутствует и своеобразный российский порядок. Страна контролируется кланами Фамилиархов — Солнцевыми, Коптевыми, Раменских и др., от которых полностью зависит формально правящий страной 84-летний Генерал-Секретарь, постоянно находящийся в сенильном беспамятстве. А всему этому предшествовала достойная предыстория: третий блестящий балканский поход, ядерный удар по Ваххабитской Джамахирии и т. п.

В ближайшем окружении России дела не лучше. За окном поезда, подъезжающего к Минску, — тени дистрофиков, нищая серая деревня, без людей и скота, поскольку народ давно переселился помирать в лесные землянки (с. 31), стаи диких собак, а затем — светящиеся сотнями рентген болота Полесья, руины городов, реки грязи вместо дорог, разбойная, давно уже не управляемая Польша (там же) и т. п. Тайга горит, поезда грабят, регулярно курсируют колонны летающих танков, слышны автоматные очереди и грохот артиллерийской канонады — ведь все воюют против всех.

В остальном мире тоже несладко. Почти все страны подписали соглашение о неоказании сопротивления террористам, что сделало ежедневные захваты самолетов, кораблей, школ и больниц обычной политической практикой (с. 22). Причем захватывают их практически все — и противники ограничений на продажу наркотиков в супермаркетах, и сторонники бесплатной эвтаназии, и женщины, требующие запретить указание пола в документах, и Армия Освобождения Бруклина, и организация защиты прав психически больных занимать государственные посты, и другие странные организации.

Западный мир разрушается. «Турки из Исламской Земли Северный Рейн-Вестфалия стоят насмерть против сербов из Южно-Германского Православного Собора... Республика Северная Италия атомными минами отгораживается от южан» (с. 33). Некий Союз Разделения расшинковал Бельгию. Париж разделился на Восточный и Западный — как некогда Берлин. «Две независимые Ирландии воюют

друг против друга за право быть самой независимой и объединяются только против Лондона... Валлийцы захватили Бристоль и жгут дома англичан... Испания уже давно не существует, а Каталония не может подписать мирный договор со страной Басков» (с. 17). За Атлантикой же «Афро-Американская Исламская Конфедерация ведет войну против Соединенных Штатов Мексики и Техаса, Союз Восточного Побережья не признает ни тех, ни других... Представитель Канады (Квебек) в организации Отделившихся Наций* постоянно требует удаления представителя Канады (Торонто)» (с. 17). И тому подобное.

А началась вся эта вакханалия именно с России. Российский вариант либерализма — либерализм с российским лицом, обернувшийся полной анархией, вместе с русским языком, почему-то сделавшимся международным, распространился по всему свету, который, за исключением лишь исламского мира, оказался неспособным ему противостоять. «Все окончательно пошло прахом» после «проклятых выборов», на которых в очередной раз «не так» проголосовали. Далее, «как прежде не раз бывало, Россия попыталась перепрыгнуть в будущее прямо из прошлого через настоящее, и снова от этого тяжелого прыжка содрогнулся весь мир. Но теперь и сам этот мир, мир, созданный безгранично распространившейся европейской цивилизацией, был не так устойчив, как сто лет до того, и новая российская революция стала первым камешком лавины» (с. 30).

Такая вот мрачная картина, и не случайно авторы выбрали для ее описания художественный жанр, который, с одной стороны, делает ее ярче, с другой — смягчает впечатление, действуя как своего рода амортизатор. Будь то же самое высказано в виде серьезного научного прогноза, могла бы возникнуть настоящая паника, если не хуже. Тем более что хорошо известны так называемые «самосбывающиеся прогнозы», которые склоняют людей делать то, что им предсказано, и таким образом сбываются.

Второй сценарий авторы называют «умеренно плохим», хотя, наверное, его правильнее было бы назвать «умеренно хорошим», поскольку в описанной в нем России все достаточно сносно. Сюжет закручен вокруг президентских выборов. Кандидат в президенты — ректор частного юридического колледжа, два года преподававший в США, что уже неплохо. Хотя прежний президент — отец нынешнего кандидата — и погиб от террористического взрыва, в стране относительно спокойно, во многом благодаря усилиям усопшего. Мафии подавлены, «крыши» ликвидированы, число заказных убийств сократилось (по сравнению с нашим временем) в три раза. А все потому, что покойный начал необъявленную войну с бандитами, убедив Думу принять закон, разрешающий сотрудникам правоохранительных органов «в течение двух лет по своему усмотрению применять оружие на поражение» (с. 50). При этом спецслужбы регулярно отчитывались перед журналистами и правозащитниками, т. е. демократия от беспощадной борьбы с преступностью не пострадала. Правда, разгромлены все криминальные группировки, кроме одной — Тамбовской, и звучит намек на то, что к ней-то непримиримый борец с преступностью и принадлежал. Но это — только догадки.

Страна пошла так называемым «срединным путем», основополагающие принципы которого, — во-первых, сочетание рыночных механизмов и государственного регулирования, во-вторых, политическая коалиция правых и левых, в-третьих,

* Символично звучат и новые аббревиатуры: ООН — Организация Отделившихся Наций, ОБСЕ — Объединенные Боевые Силы Европы, МВФ — Международный Военный Флот, ОМОН — Общемировая Оборона Населения, КГБ — Комиссия Гражданской Безопасности и т. д.

не революционное, а поступательное движение вперед, в-четвертых, равное внимание государства как к экономическим, так и к психологическим потребностям населения, в-пятых, длинные переговоры вместо коротких войн в межнациональных и межгосударственных отношениях.

Были, конечно, и проблемы, в том числе национального характера. Так, чеченцы взорвали электростанцию в Сибири, на что было незамедлительно отвечено «беспощадным выжиганием чеченской земли с воздуха». Но конфликт удалось погасить — с помощью башкирского мусульманина, который со всеми сумел договориться (и в конечном счете стал президентом России). В целом же все нормально — не хорошо, а именно *нормально*, что и является главным ориентиром «срединного пути», направленного на скромные, но достижимые цели. Бедных много, но нищета ликвидирована. И даже на минимальную пенсию можно прожить — и не условно, как сейчас, а реально. Но мешают политические интриги, а в предвыборной борьбе противники «срединного курса», равно как и его сторонники, используют все то, что принято использовать в современной России, — подкуп телеведущих, компромат, заказные убийства и к тому же подставных двойников. И в этом главная особенность «среднего» сценария: страна нашла правильный путь, но встала на него только одной ногой, все еще сохраняется опасность свалиться в пропасть, а окончательный *выбор* еще не сделан (и поэтому в центре сюжета — ситуация выборов).

Третий — «хороший» — сценарий читается как оптимистическая трагедия. В основе сюжета очередной путч, но состоявшийся уже во вполне благополучной России — небольшая встряска с хорошим концом. Причем путч — «мягкий», во время которого на улицах нет никаких танков, а тюремные охранники очень приветливы и чуть ли не братаются с заключенными, что выражает общее смягчение нравов.

В стране нет ни нищеты, ни «наглой демонстративной роскоши», среднестатистической доход составляет 12 тыс. евро (к которому привязан курс рубля) в год, а в Тьмутаракани живут не намного хуже, чем в Москве. Преступность на среднем уровне, благодаря примерно тому же, что помогло ее победить во втором сценарии: милиция получила негласные указания «в любых разборках стрелять на поражение», а мирные граждане имеют право хранить и носить оружие. Главная головная боль — две беспокойные организации: так называемая Промгвардия и Народный Контроль, одна из которых успешно ликвидируется, а другая приручается в результате подавления путча. Сложилась двухпартийная система. Государственная дума переехала в Питер, а многие федеральные ведомства — в провинциальные города, что лишило федеральную бюрократию возможности «сбиваться в плотную кучу», а заодно и повысило качество жизни в провинции. Власть отделена от капитала, а капитал — от власти. Больше не воруют, поскольку «государственная бюрократия стала профессиональной и прозрачной» (с. 103). Проведена приватизация земли. Списаны все налоговые долги, и теперь налоги платят исправно. В России больше нет бардака, все неплохо организовано, а основная часть населения прилично работает. Культура тоже на хорошем уровне. «Интернет не отменил букинистов. Весь Столешников — сплошной книжный развал» (с. 77). А «вместе со старыми книгами вернулись и многие старые вещи» (там же) — механические будильники и т. п. Модно писать письма от руки, причем перьевыми ручками, обставлять помещения рукодельной мебелью, и даже домашние компьютерные станции оформлять в виде старинных секретеров. Главными радостями стали семья, дружеская компания и хорошее соседство. Словом, «люди научились ценить простую и крепкую жизнь, простые и крепкие вещи» (с. 77). А путч возникает

из-за того, что не всем нравится некоторая обезличенность России и ее неотличимость от спокойной западной страны, но подавляющее большинство хочет именно стабильности и «нормальности», и идея воинственной самобытности захлебывается.

Идиллии удалось достичь благодаря некоему Клубу, который был создан в 2003 г., год спустя после того, как «застой кончился и начался хаос» — возобновились массовые аварии и забастовки, межнациональные стычки, коррупция и воровство. Клуб — сообщество умных, а к тому же честных людей, объединившихся ради того, чтобы изменить жизнь в России (трудно не уловить аналогию между этим Клубом и «Клубом 2015», объединяющим авторов прогноза). И это ему удалось: «люди искренне поддерживали Клуб», поскольку «созрела общая потребность в великом умывании» (с. 89). Основой же возрождения России стала программа «Острова», состоявшая в опоре на российскую зарубежную диаспору, к которой обратились с призывом возвращаться домой и создали для нее (с помощью законов, займов и т. д.) тепличные условия. В результате во многих регионах страны возникли оазисы — «Острова», которые и возродили Россию. «На Острова двинулись лучшие работники со всей страны, и не только. 2010 год — точка перелома: началась хорошая иммиграция. К нам поехали классные головы и руки» (с. 99). Впоследствии «Острова стали растущими оазисами постиндустриального общества» (с. 98), а затем и «оставшиеся кусочки страны» были встроены в них. Россия превратилась в одну из наиболее развитых стран, основную часть ее экспорта стали составлять программные продукты, в нее поплыли долгожданные инвестиции, а внешний долг был обменен на недвижимость — землю и госпакеты акций. Россия превратилась в центр мирового экономического и политического порядка, все важнейшие международные соглашения стали подписываться в Москве, мир принялся усердно изучать русский язык — не ради экзотики, а поскольку без него стало невозможным обходиться. Словом, сбылись давние мечты, и (предпоследняя фраза «хорошего» сценария) «страну не стыдно передать детям» (с. 111), а вышеупомянутый путч — последняя попытка снова превратить Россию из не удовлетворяющей псевдопатриотов «среднезападной странишки» в беспокойную и воинственную державу, вернуть ее на маниакально-мессианский путь развития бесславно проваливается и вообще носит опереточный характер.

Таковы три разработанные «Клубом 2015» сценария для России, оценивать которые с точки зрения реалистичности — дело еще более трудное, чем строить сами прогнозы, поскольку судить о том, какой из них имеет наибольшие шансы сбыться, означает делать еще один, причем *мета*прогноз, на который, не чувствуя в себе пророческих дарований, трудно отважиться. И все же в этой связи следует подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, как отмечают сами авторы прогноза, пессимистичные сценарии почему-то выглядят более убедительными, чем оптимистичный. Хочется надеяться, что это — свойство нашего приученного к пессимизму *восприятия*, а не самой реальности, хотя подобные свойства, конечно же, не формируются на пустом месте. Во-вторых, опыт футурологии учит, что здесь действует правило «золотой середины» — умеренные, «средние» прогнозы сбываются чаще, чем экстремальные, хотя *отдельные* фрагменты экстремальных прогнозов тоже могут воплотиться в жизнь. Даже в тех случаях, когда эти фрагменты не очень согласуются друг с другом, а прогнозы, как и разработанные «Клубом 2015», выглядят не лишенными внутренней противоречивости. Например, не вполне ясно, почему русский язык стал международным, если Россия совсем развалилась (первый сценарий), чем именно недовольны организующие путч лжепатриоты, если Россия стала центром мировой экономической и политической жизни (тре-

тий сценарий) и т. д. Впрочем, реальность, особенно российская, тоже противоречива, и внутренне противоречивые прогнозы отнюдь не обречены на несоответствие ей.

Три прогноза «Клуба 2015» различаются не только положением на шкале «пессимизм—оптимизм», но и несут разную логическую и психологическую нагрузку. Первый сценарий — это *гротеск*, где все выраженные в современной России негативные тенденции (всесилие мафии, парад суверенитетов и др.) умышленно доведены до абсурда, и поэтому очерченная картина, к тому же выполненная в иронических тонах, воспринимается как шарж, как своего рода «злые картинки» — детский ужастик. Это в общем-то и не прогноз, т. е. не описание того, что *может быть*, а обозначение негативной асимптоты — того, что едва ли реально, но *возможно теоретически* при предельном развитии энтропийных начинаний.

Третий сценарий скорее не логичен, а «психо-логичен», это прогноз-*надежда*, выражающий скорее желания, чем ожидания. Но это еще и прогноз-*идея* — о том, что чего-либо путного мы сможем добиться, если, во-первых, откажемся от маниакального поиска своей самобытности и перестанем изобретать велосипед, во-вторых, преодолеем свою национальную невротичность, научившись развиваться спокойно и поступательно, а не революционными рывками. И этот сценарий, хотя и воспринимается в соответствии со схемой «слишком хорошо, чтобы быть правдой», тоже полезен как ориентир — образ того, чего мы в идеале можем достичь, если будем двигаться верным курсом, и к тому же если карты лягут удачно.

Второй сценарий авторы почему-то считают лишенным самостоятельного содержания, подчеркивая, что сценариев по сути дела не три, а два, тогда как «умеренно плохой» сценарий «есть не что иное, как задержка в принятии решения» (с. 9). И вот с этим можно поспорить. Во-первых, в нашей стране длительная задержка в принятии решения не менее реальна, чем его принятие. Во-вторых, год, на который ориентируются составители прогноза, — 2015 (хотя в тексте фигурируют и другие даты — от 2010 до 2040 г.) — уже очень близок, и маловероятно, чтобы за столь короткий срок Россия, а тем более весь мир столь радикально изменили свой нынешний облик как в лучшую, так и в худшую сторону. Да и вообще авторы явно не свободны от той самой нашей национальной традиции, которую обличают, — традиции «больших рывков», но в данном случае не в самом развитии, а в его *видении*. Во всяком случае, вполне логично предположить, что вялотекущее развитие с неопределенными и неоднозначными результатами ничуть не менее вероятно для нашей страны, чем принятие четких ориентиров и получение однозначных результатов.

Надо отметить, что вообще футурологическим прогнозам свойственны чрезмерные *спрямление* и *ускорение* будущего, которое всегда наступает не так быстро и выглядит не так однозначно, как предсказывают футурологи. Достаточно вспомнить прогнозы начала 1970-х и построенную на них научную фантастику, которые сулили нам к началу XXI века полеты в дальние миры, контакты с инопланетянами и т. п., в то время как реальное будущее оказалось куда менее романтичным — человечество «ушло в себя» (погрузившись в политику, компьютеры и т. п.), а не устремилось в другие миры, и 2001 г. явно будет больше похожим на те самые 70-е, чем на свой футурологический образ.

Впрочем, ряд обстоятельств — стиль описания сценариев, явная претензия «Клуба 2015» на ту роль, которую сыграл в возрождении России Клуб из «хорошего» сценария, и т. д., позволяют предположить, что авторы не вполне точны, когда формулируют свою цель как построение именно *прогноза*, т. е. предсказания будущего России. Создается впечатление, что для них все-таки важнее не предсказать, а *указать* — каким путем следует идти России и, соответственно, какими теорети-

чески могут быть крайние точки (но не реальность) при том или ином варианте развития. И это, естественно, не менее полезно, чем сами прогнозы. Тем более что авторы не ограничиваются общими принципами, а обозначают целый ряд конкретных решений, к которым следует отнестись с нефутурологической серьезностью. Таковы, например, предложение обменять внешний долг на землю и пакеты акций, замысел всемерно использовать зарубежную диаспору, перекликающийся с принятым в 1999 г. Федеральным законом «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», идея создать с помощью Интернета прозрачную банковскую систему, которая лишила бы чиновников возможности воровать и т. д. Но, пожалуй, особо выделяется вариант решения проблемы преступности, предложенный в двух сценариях — в «среднем» и в оптимистичном и, по-видимому, выражающий убеждения основной части «Клуба 2015». Предлагается то, что у многих на устах, но — в силу особенностей современной России и специфического понимания ею демократии — можно предложить только в закамуфлированном под художественную литературу виде: предоставить на пару лет сотрудникам правоохранительных органов право использовать оружие по собственному усмотрению, т. е. практически расстреливать бандитов на месте, что называется «без суда и следствия». На первый взгляд звучит дико и выглядит чреватым хорошо знакомыми злоупотреблениями. Но в «хорошем» и «умеренном» сценариях настойчиво подчеркивается, что злоупотреблений можно избежать, а над правоохранительными органами, у которых развязаны руки, все же можно сохранить демократический контроль — путем их регулярных отчетов перед общественностью, прозрачности для прессы и т. д., и таким образом можно уничтожить бандитов без ущерба для демократии. В этой связи уместно вспомнить принцип, который еще не внедрен (очевидно, умышленно) в наше массовое сознание, но сформулирован во многих учебниках политологии: сохранение демократии в целом предполагает регулярное нарушение ее отдельных принципов. А *формальная демократия* — культ демократических *форм*, и в первую очередь юридических процедур, характерный для современной России, который препятствует построению демократии реальной и к тому же создает ситуацию, когда одни принципы демократии, например презумпция невиновности явно виновных, противостоят другим, например демократическим правам граждан, не имеющих «крыш» и не живущих по криминальным законам.

И в описанных сценариях развития России читается противостояние двух главных ориентиров: на одном полюсе чисто формальная демократия и неумеренный либерализм, приводящие к войне всех против всех, на другом — реальная демократия, основанная не на юридических формальностях, а на здравом смысле и способная, наконец, превратить Россию в «нормальную» европейскую страну. Именно так: не альтернатива вчерашнего дня — демократия или тоталитаризм, а куда более важная альтернатива дня сегодняшнего — неумеренный либерализм или здравый смысл. И это уже вопрос не столько идеологического выбора, сколько именно «нормальности» России. Хочется надеяться, что здравого смысла у нее хватит.